

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

УДК 81'42
ББК Ш105.51

ГСНТИ 16.31.41

Код ВАК 10.02.19

Л. В. Коростелева
Нижневартовск, Россия

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ ВЕРБОВКИ В СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

АННОТАЦИЯ. Выбор темы связан с необходимостью проведения лингвистического исследования текста с целью выявления признаков вербовки как одного из видов противоправной деятельности представителей террористических организаций. Учитывая большое внимание к проблемам экстремизма и терроризма, выявление признаков вербовки в террористическую организацию, которая является противоправной деятельностью в соответствии с УК РФ, представляется актуальным. Ключевым понятием является вербовка в экстремистскую или террористическую организацию как разновидность экстремистского дискурса. Данное явление рассматривается в правовом и лингвистическом аспекте. С позиции права анализируются понятия «вербовка», склонение и вовлечение в террористическую организацию, поскольку трактовка данных терминов неоднозначна. Учитывая юридический статус вербовки как речевой деятельности, представляется возможным дать общую характеристику лингвистическим особенностям вербовки в экстремистскую или террористическую организацию. С этой точки зрения описываются лингвистические и экстралингвистические признаки, характеризующие речевое поведение вербовщика; определяются речевые жанры вербовки; обосновывается необходимость анализа такого речевого поведения в аспекте прагмалингвистики. На основе лингвистической практики анализа речевого произведения с целью выявления признаков вербовки предпринята попытка очертировать круг вопросов, входящих в компетенцию лингвиста-эксперта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экстремизм; экстремистский дискурс; вербовка; признаки вербовки; политический дискурс; судебная лингвистическая экспертиза.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Коростелева Лариса Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологии и массовых коммуникаций, Нижневартовский государственный университет, 628624, Россия, Нижневартовск, ул. Ленина, 56; e-mail: klimovalar@inbox.ru.

Вербовка как противоправная деятельность отражена в ФЗ от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму», а также в статье 205.1 УК РФ «склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений...», связанных с содействием экстремистской или террористической деятельности.

В постановлении Пленума Верховного суда РФ от 09.02.2012 г. № 1 (ред. от 03.11.2016 г.) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» под «склонением, вербовкой или иным вовлечением определенного лица (группы лиц) в совершение хотя бы одного из преступлений, перечисленных в части 1 статьи 205.1 УК РФ (связанные с содействием террористической деятельности; комментарий в скобках наш. — Л. К.), следует понимать, в частности, умышленные действия, направленные на вовлечение определенного лица (группы лиц) в совершение одного или нескольких указанных преступлений, например, путем уговоров, подкупа, угрозы, убеждения, просьб, предложений (в том числе совершенные посредством размещения материалов на различных носителях и распространения через информационно-телекоммуникационные сети), применения физического воздействия или посредством поиска лиц и вовлечения их в совершение хотя бы одного из указанных преступлений» [Кудрявцев 2012: 21].

Научная юридическая литература акцентирует внимание на том, что содержание

понятий склонение, вербовка и вовлечение не раскрывается ни в уголовном законе, ни в нормативных актах других отраслей права, в связи с чем данные понятия определяются как оценочные и их содержание конкретизируется правоприменителем, исходя из фактических обстоятельств уголовного дела.

Формулировка статьи 205.1 УК РФ (склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений) приводит юристов к необходимости искать различия в семантике данных понятий. В юридической научной литературе [Бешукова 2016; Бугера 2014 и др.] понятие вовлечение определяется как более широкое, которое включает в себя понятия склонение и вербовка, и представляется завершенным склонением (результатом). Вербовка предполагает подбор людей для совершения указанных в части 1 статьи 205.1 УК РФ преступлений за плату. Склонение осуществляется с помощью ненасильственных методов: это методы, направленные на сознательное убеждение лица в необходимости совершить какие-либо действия путем уговоров, обещаний, просьб, предложений, апелляции к религиозным чувствам [Бугера 2014: 35—40; Бешукова 2016: 632—639].

При этом следует отметить, что при определении понятия вербовка этими же исследователями отмечается, что вербовка предполагает вовлечение в какую-либо противоправную деятельность путем уговоров, обмана и т. д.

Лексикографические источники (Большой толковый словарь под ред. С. Н. Кузне-

цова) определяют понятия *склонение* и *вовлечение* как синонимичные, которые представляют собой речевые действия, направленные на убеждение собеседника в необходимости чего-либо. Лексема *вербовка* тоже имеет значение «привлечение на свою сторону», но данное значение сопровождается стилистической пометой *неодобрительное* [БТС [http://](#)]. Таким образом, с лингвистической точки зрения, данные понятия являются семантическими синонимами.

Итак, законодательство не дает точного определения понятиям *вербовка*, *склонение* и *вовлечение*, попытки разделить их дефиниции в юридической научной литературе также неоднозначны: некоторые исследователи пытаются развести данные понятия, некоторые отмечают их синонимичность и условность. Учитывая тот факт, что, с точки зрения лексического значения, данные слова являются синонимичными, а в речевой практике носителей русского языка понятие *вербовка* закрепилось именно в значении *привлечение на свою сторону* и ассоциируется с привлечением к экстремистской деятельности, для лингвистического исследования вербальных признаков речевого поведения, нацеленного на привлечение лица к экстремистской или террористической деятельности, мы будем использовать условное наименование *вербовка*.

Для определения признаков вербовки лингвисту-эксперту необходимо проанализировать речевое поведение говорящего. Эти признаки определяются в процессуально-правовом поле и предстают перед лингвистом в форме вопросов, ответы на которые интересуют следователя. Поскольку в лингвоэкспертной практике еще нет общепринятых вопросов для определения лингвистических признаков вербовки, представим те, которые были поставлены следователем в постановлении на лингвистическую экспертизу:

1. Содержатся ли в представленных материалах высказывания, оправдывающие деятельность каких-либо террористических организаций?

2. Содержатся ли в представленных материалах высказывания, указывающие на участие Х в деятельности террористических организаций?

3. Содержатся ли в представленных материалах высказывания, побуждающие собеседника к участию в деятельности террористических организаций или их финансировании?

4. Содержатся ли в представленных материалах призывы? Если содержатся, то к совершению каких действий автор (пишущий) призывает?

Исходя из поставленных вопросов, мы

понимаем, что следственные органы интересуют, присутствуют ли в речевом произведении высказывания, оправдывающие деятельность каких-либо террористических организаций; указывающие на участие говорящего (вербовщика) в деятельности террористических организаций; высказывания, представляющие собой речевые жанры уговора, подкупа, угрозы, убеждения, просьбы, предложения, направленные на привлечение собеседника к участию в деятельности террористических организаций или их финансировании; а также призывы, содержание которых следственные органы не конкретизируют.

На наш взгляд, профессиональная компетенция лингвиста-эксперта уже поставленных вопросов, например, лингвист не может установить, является ли какая-либо организация террористической — *террористическая организация*, так же как *экстремизм* и *терроризм*, представляют собой понятия юридические.

На наш взгляд, лингвистическая экспертиза может установить наличие:

- 1) высказываний, оправдывающих деятельность каких-либо организаций;
- 2) высказываний, направленных на привлечение собеседника (путем уговоров, подкупа, убеждения, предложения и др.) к участию в какой-либо деятельности;
- 3) призывов.

В научной литературе признаки вербовки рассматриваются только с юридической стороны, лингвистических исследований, посвященных данной проблеме, нет. В связи с этим мы предпримем попытку охарактеризовать лингвистические и экстралингвистические признаки, определяющие речевое поведение вербовщика, на основе материалов, представленных на лингвистическую экспертизу по делам об экстремистской деятельности.

В контексте данного исследования, основываясь на имеющихся в лингвистике определениях термина «речевое поведение» (И. А. Зимняя, 2001; В. И. Карасик, 2004; А. Е. Супрун, 1996 и др.), а также учитывая правовую сторону данного явления, под вербовкой как речевым поведением мы будем понимать систему сознательных речевых действий, не столько отражающих специфику языкового сознания вербовщика, сколько нацеленных на убеждение адресата в необходимости выполнить определенные действия, выгодные вербовщику. Вербовка может быть представлена речевыми жанрами убеждения, уговора, угрозы, обещания и другими, что определяется постановлением Пленума Верховного суда РФ. Целенаправленность и жанровая классификация вербовки совпадает с соответствующими

аспектами экстремистского дискурса [Коростелева 2015: 19—27], что дает нам основание считать вербовку разновидностью экстремистского дискурса.

Учитывая, что вербовка как речевое поведение носит сознательный целенаправленный характер, необходимо, на наш взгляд, проводить анализ речевых произведений в аспекте прагматических установок говорящего, поскольку интенция говорящего может не совпадать с его когнитивной позицией (его картиной мира). Другими словами, говорящий (вербовщик) может не поддерживать деятельность и идеологию определенной организации, но по каким-либо причинам его коммуникативная цель в конкретной ситуации — убедить собеседника в правильности этой деятельности и в необходимости принять участие в данной деятельности.

Чтобы понять намерение говорящего, необходимо установить его коммуникативную стратегию; для этого релевантным представляется применение приемов социолингвистического и прагматического анализа, позволяющих выделить лингвистические признаки, которые могут помочь следственным органам в решении правового вопроса о намерении говорящего привлечь собеседника к экстремистской деятельности.

Вербовщик ставит цель привлечь собеседника к своей идеологии. Эта цель может быть эксплицитной: вербовщик открыто говорит о своем намерении (напр., в одной из передач «Человек в маске», которые в 90-е гг. XX в. транслировались по телеканалу ОРТ, главный герой, представитель организации скинхедов, открыто сообщил о цели своего участия в данной передаче: *Я пришел рассказать о деятельности своей организации, чтобы привлечь к ней как можно больше молодежи*).

Цель может быть имплицитной: вербовщик не говорит открыто о своем намерении привлечь собеседника к деятельности какой-либо организации, но пытается его убедить в необходимости совершить определенные действия, аргументируя это каким-либо благом для собеседника, апеллируя к религиозным чувствам либо к нравственным ценностям. Такие тексты представляют некоторую сложность для анализа и в то же время исследовательский интерес лингвиста-эксперта, поскольку относятся к категории текстов с неявной функцией высказывания. Именно такой текст (с неявной функцией высказывания) послужил материалом для нашего исследования.

Для лингвистического анализа была представлена переписка между супругами, изъятая в ходе следствия по уголовному де-

лу об экстремистской деятельности. В Постановлении на лингвистическую экспертизу было отмечено, что следственными действиями установлена причастность одного из участников коммуникации (супруга) к деятельности в террористической организации «ИГИЛ» (запрещена в РФ) на территории Сирийской Арабской Республики, где он и находился во время переписки с супругой.

Учитывая конфиденциальность представленной на экспертизу информации, мы не можем приводить текст переписки в полном объеме, отметим только необходимые для нашего исследования высказывания.

Признаки вербовки как речевого поведения, на наш взгляд, определяются прежде всего экстралингвистическими особенностями коммуникативной ситуации, которые устанавливаются следственными действиями и предстают перед лингвистом в Постановлении на лингвистическое исследование (экспертизу) как обстоятельства дела.

Итак, собеседниками являются супруги: супруг — действительный член террористической организации «ИГИЛ», находящийся на территории Сирийской Арабской Республики; супруга, в свою очередь, живет на территории России. Их общение состоялось посредством мессенджера *WhatsApp*, соответственно представляло собой дистанционное общение, рассредоточенное во времени.

Лингвистическая экспертиза представленной для анализа переписки представляет собой ответы на вопросы, поставленные следователем. Представим фрагменты составленной лингвистической экспертизы.

1. Содержатся ли в представленных материалах призывы? Если да, то к совершению каких действий автор (пишущий) призывает?

При ответе на данный вопрос нами выделен ряд высказываний, выражающих волеизъявление одного из собеседников (супруга), направленных на побуждение адресата к каким-либо действиям.

Основываясь на коммуникативном анализе сообщений, представленных на исследование, высказывания призывающего характера были классифицированы с выделением следующих групп: 1) призывы к молитве (*делай дуа; не оставляй молитву*); 2) призывы уехать из России в Сирию (*делай намерение уехать; не держись за проклятое место. Тут по настоящему заживешь* — под словосочетанием «проклятое место» в контексте сообщений подразумевается Россия, местоимение «тут» указывает на то место, где находится супруг, т. е. Сирию); 3) призывы делать фальшивые документы (*делай*

фальшивый паспорт, делай документы); 4) высказывания, побуждающие супругу скрывать какую-то информацию от третьих лиц.

Учитывая установленные обстоятельства дела: супруг является членом террористической организации «ИГИЛ» и находится на территории Сирийской Арабской Республики — данные высказывания можно квалифицировать как призывы, адресованные супруге для совершения определенных действий, чтобы уехать в Сирию: 1) делать фальшивый паспорт, 2) продавать квартиру (высказывание супруга в форме утверждения: как ответ на вопрос супруги «Что с квартирой делать продавать или сдавать кто это будет делать?» поступило сообщение «Продавать.тут дешево») и 3) уезжать из России.

Таким образом, в представленных на исследование материалах присутствуют высказывания супруга, призывающие супругу не оставлять молитву и решиться уехать из России в Сирию.

2. Содержатся ли в представленных материалах лингвистические признаки, оправдывающие деятельность каких-либо террористических организаций? Если содержатся, то каких именно?

В переписке супругов не были отмечены высказывания, в которых упоминаются наименования каких-либо организаций, однако отмечаем, что в сообщениях супруга присутствуют высказывания, сообщающие о его деятельности (участие в джихаде как вооруженной войне) на территории Сирийской Арабской Республики («Вот с рибата не давно пришёл»; «Я вас очень люблю ради Аллаха, поэтому я вышел на джихад»; «У меня в марте было ранение сквозное живота»; «Я кровь свою ради Аллаха для нас проливаю»).

В данных высказываниях следует отметить некоторые лексические единицы, которые отражают в речи мужчины его деятельность на территории Сирийской Арабской Республики: *рибат, джихад, кровь проливаю, ранение*.

Рибат (от араб. رِبَاط — гостиница) первоначально означает сторожевой дом или укрепление, каких немало было во многих местах на границах области распространения ислама для их защиты. Позднее подобные сооружения использовались для защиты коммуникаций и служили центрами суфийской мистической культуры. Жители рибатов принимали активное участие в обороне исламских территорий от внешней агрессии крестоносцев, индийских язычников и участников испанской Реконкисты [Ис-

lam. Энциклопедический словарь <http://>].

Джихад — в контексте исследуемой переписки данное понятие понимается как «священная война», «праведная война», «война на пути Аллаха», «свобода» как возможность спасения души и как путь к своего рода бессмертию [Коростелева 2017: 121—123].

Также в сообщениях супруга присутствуют высказывания, которые обосновывают необходимость его участия в джихаде (*Я кровь свою ради Аллаха для нас проливаю, поэтому я вышел на джихад*).

Таким образом, можно отметить, что деятельность супруга на территории Сирийской Арабской Республики связана с военной службой на границах территории «исламского государства», эта деятельность оправдывается говорящим как совершаемая для спасения души.

3. Содержатся ли в представленных материалах лингвистические признаки склонения, вербовки или иного вовлечения лица в участие в деятельности террористических организаций или их финансировании? Если содержатся, то какие именно?

В исследуемой переписке были выделены высказывания супруга, убеждающие супругу в необходимости переезда в Сирию.

Данная необходимость аргументируется:

— во-первых, лучшей жизнью по сравнению с Россией;

Тут проще. Тут всяких непонятных нет. Алкоголя, наркотиков нет.

Когда приедешь, возвращаться не захочешь.

Ты поймешь что в этой России нечего делать. Там дурдом. Тут проще все.

Тут люди с семьями бегут. Там кяферы как хотят, так и делают. Тут нет беспредела. Свежие фрукты.

Вот сделаешь шаг, о котором не пожалеешь.

Тут квартиру дадут;

— во-вторых, необходимостью спасать себя и ребенка, для чего нужно покинуть страну кяферов (немусульман):

Тебе надо себя и ребенка спасать.

Не держись за проклятое место. Тут по-настоящему заживешь.

Ты не осознаешь опасность Судного дня.

А как ты будешь жить среди кяферов?

— в-третьих, одним из основных аргументов супруга являются призывы к религиозным чувствам:

Когда в судный день наши семьи поволокут лицом в Ад, тогда будут люди жалеть что не вышли на джихад (данное сообщение представляло фотографию с цита-

той из религиозного источника).

Тебе надо укреплять веру.

Цените тех, кто всегда прощал, кто всегда ждал, и надеялся на лучшее не для себя одного, а для вас вдвоем в целом (данное сообщение представляло фотографию с цитатой из религиозного источника).

Следует также отметить еще одно высказывание супруга в ответ на реплику, выражающую сомнение женщины в желании жить с ним: «если не захочешь жить со мной, найдем здесь тебе другого мужа...»

Данное обстоятельство дает основание предполагать, что переезд его супруги не является определенным действием для воссоединения семьи, супруг приводит всевозможные аргументы, убеждающие женщину в необходимости переезда в Сирию в любом случае.

Таким образом, сообщения супруга направлены на оказание побудительного воздействия на сознание и поведение супруги. Он пытается склонить ее к переезду в Сирию путем уговоров, апелляции к религиозным чувствам, сравнением условий жизни в России и в Сирии (в пользу последней), обещанием лучшей жизни, а также угрозами, которые основаны на религиозном мировоззрении мусульман: ответственность за свою жизнь перед Аллахом, перед Судным днем.

4. Содержатся ли в представленных материалах лингвистические признаки, указывающие на участие супруга в деятельности террористических организаций? Если содержатся, то каких именно?

В представленной на исследование переписке были отмечены сообщения, в которых супруг пишет об имеющемся у него ранении (*У меня в марте было ранение сквозное живота; Я кровь свою ради Аллаха для нас проливаю*) и о своем участии в джихаде (...*поэтому я вышел на джихад*). Следовательно, мы можем утверждать, что в анализируемой переписке присутствуют высказывания, подтверждающие участие супруга в джихаде (вооруженной войне) на территории Сирии. Учитывая, что он является представителем террористической организации «ИГИЛ», можно утверждать, что данные высказывания указывают на его участие в деятельности террористических организаций.

По результатам лингвистического анализа материалов были сделаны следующие выводы:

1) в представленных на исследование материалах присутствуют призывы. Призывы нацелены на побуждение собеседника не оставлять молитву и решиться уехать из России в Сирию;

2) в представленных на исследование ма-

териалах отсутствуют упоминания каких-либо организаций. Присутствуют высказывания супруга, указывающие на его участие в джихаде и оправдывающие эту деятельность;

3) в представленных на исследование материалах присутствуют высказывания супруга, которые можно расценивать как склонение собеседника к переезду на территорию Сирии путем уговоров, просьб, угроз;

4) в представленных на исследование материалах присутствуют сообщения супруга, указывающие на его участие в военных действиях на территории Сирии и оправдывающие эти действия.

Определение лингвистических признаков вербовки, на наш взгляд, основывается прежде всего на экстралингвистических особенностях коммуникативной ситуации в целом. Данные особенности устанавливаются следственными органами. Более того, предполагаем, что вывод о том, что данное речевое поведение представляет собой именно вербовку с целью вовлечения в экстремистскую или террористическую деятельность, также относится к компетенции юристов. Лингвистический анализ может определить лишь наличие в тексте высказываний, подтверждающих или указывающих на участие говорящего в экстремистской или террористической деятельности, а также высказываний, убеждающих адресата предпринять ряд действий, которые по тем или иным причинам выгодны говорящему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бешукова З. М. «Склонение, вербовка или иное вовлечение лица» как альтернативные действия объективной стороны организации экстремистского сообщества // Национальная безопасность /nota bene. 2016. № 5. С. 632—639.

2. Большой толковый словарь русского языка [электронный ресурс] / гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word>.

3. Бринев К. И. Судебная лингвистическая экспертиза спорных речевых произведений, содержащих признаки экстремизма // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. Сер. «Филологические науки». 2009. № 7 (41). С. 35—39.

4. Бугера Н. Н. Соотношение понятий «вовлечение» и «склонение» в уголовном праве России // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 3 (29). С. 35—40. ISBN 1998-6963.

5. Зеленина О. В., Суслонов П. Е. Методика выявления признаков экстремизма. Процессуальные исследования (экспертизы) аудио-, видео- и печатных материалов [Электронный ресурс] : науч.-практ. пособие. — Екатеринбург, 2009. URL: <http://tudocs.exdat.com/docs/index-74503.html?page=2> (дата обращения: 10.04.2018).

6. Ислам [Электронный ресурс] : энцикл. слов. // Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/islam/653/%D0%A0%D0%B8%D0%B1%D0%B0%D1%82> (дата обращения: 05.03.2017).

7. Копылов М. Н., Минязев Д. М. Преступления, относящиеся к террористической деятельности в системе норм Особенной части УК РФ, и их виды // Уголовная политика: теория и практика, общество и право. 2012. № 2 (39). С. 108—112.

8. Коростелева Л. В. Создание концептов в речевых произведениях экстремистского содержания как основа воздействующей стратегии [Электронный ресурс] // Филологиче-

ские науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9-1 (75). С. 121—123. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sozdanie-konseptov-v-rechevyh-proizvedeniyah-ekstremistskogo-soderzha-niya-kak-osnova-vozdeystvuyushey-strategii> (дата обращения: 16.04.2018).

9. Коростелева Л. В. Экстремистский дискурс: признаки, иллюзия, прагматика // Юрислингвистика. 2015. № 4. С. 19—27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekstremistskiy-diskurs-priznaki-illokutsiya-pragmatika> (дата обращения: 07.05. 2018).

10. Кудрявцев В. Л. «Склонение, вербовка или иное вовлечение лица» как альтернативные действия объективной стороны содействия террористической деятельности // Адвокат. 2012. № 5. С. 21—25.

11. О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015).

12. Супрун А. Е. Лекции по теории речевой деятельности. — М. : Белорус. фонд Сороса, 1996. 287с. (Программа Обновление гуманитарного образования в Беларусь).

13. Уголовный кодекс Российской Федерации с комментариями (с изменениями на 7 марта 2011 года).

L. V. Korosteleva
Nizhnevartovsk, Russia

DETERMINING THE SIGNS OF RECRUITMENT INTO AN EXTREMIST OR TERRORIST ORGANIZATION IN FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE

ABSTRACT. The topic picked for the research is determined by the need for a linguistic study of texts to identify signs of recruitment as a type of illegal activity carried out by members of terrorist organizations. The great attention to the problems of extremism and terrorism makes it crucial to identify any signs of recruitment into a terrorist organization which is an illegal activity according to the criminal code. The key term of the research is recruitment into an extremist or terrorist organization as a form of extremist discourse. This phenomenon is considered in legal and linguistic aspects. From a legal point of view, "recruitment, inducement and involvement in a terrorist organization" concepts are analyzed, so it is possible to give a general description of the linguistic characteristics of recruitment to an extremist or terrorist organization. In this aspect we can describe linguistic and extralinguistic features of the recruiter's verbal behavior and the speech genres of recruitment. On the basis of the linguistic expert's practice of analyzing a speech fragment to identify the signs of recruitment an attempt is made to outline the range of issues within the competence of a linguistic expert.

KEYWORDS: extremism; extremist discourse; recruitment; signs of recruitment; political discourse; forensic linguistic expertise.

ABOUT THE AUTHOR: Korosteleva Larisa Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Philology and Mass Communications, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia.

REFERENCES

1. Beshukova Z. M. «Sklonenie, verbovka ili inoe vovlechenie litsa» kak al'ternativnye deystviya ob"ektivnoy storony organizatsii ekstremistskogo soobshchestva // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. 2016. № 5. С. 632—639.
2. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo jazyka [elektronnyy resurs] / gl. red. S. A. Kuznetsov. Pervoe izdanie: SPb. : Norint, 1998. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word>.
3. Brinev K. I. Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza spornykh rechevykh proizvedeniy, soderzhchikh priznaki ekstremizma // Izv. Volgograd. gos. ped. un-ta. Ser. «Filologicheskie nauki». 2009. № 7 (41). С. 35—39.
4. Bugera N. N. Sootnoshenie ponyatiy «vovlechenie» i «sklonenie» v ugovornom prave Rossii // Juridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. 2014. № 3 (29). С. 35—40. ISBN 1998-6963.
5. Zelenina O. V., Suslonov P. E. Metodika vyvayleniya priznakov ekstremizma. Protsessual'nye issledovaniya (ekspertizy) audio-, video- i pechatnykh materialov [Elektronnyy resurs] : nauch.-prakt. posobie. — Ekaterinburg, 2009. URL: <http://ru.docs.exdat.com/docs/index-74503.html?page=2> (data obrashcheniya: 10.04.2018).
6. Islam [Elektronnyy resurs] : entsikl. slov. // Slovari i entsiklopedii na Akademike. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/islam/653/%D0%A0%D0%8B%D0%B1%D0%80%D1%82> (data obrashcheniya: 05.03.2017).
7. Kopylov M. N., Minyazev D. M. Prestupleniya, otnosyashchiye k terroristiceskoy deyatel'nosti v sisteme norm Osobennoy chasti UK RF, i ikh vidy // Ugolovnaya politika: teoriya i praktika, obshchestvo i pravo. 2012. № 2 (39). S. 108—112.
8. Korosteleva L. V. Sozdanie konseptov v rechevykh proizvedeniyakh ekstremistskogo soderzhaniya kak osnova vozdeystvuyushchey strategii [Elektronnyy resurs] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 9-1 (75). S. 121—123. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sozdanie-konseptov-v-rechevyh-proizvedeniyah-ekstremistskogo-soderzha-niya-kak-osnova-vozdeystvuyushey-strategii> (data obrashcheniya: 16.04.2018).
9. Korosteleva L. V. Ekstremistskiy diskurs: priznaki, illokutsiya, pragmatika // Yurislingvistika. 2015. № 4. S. 19—27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekstremistskiy-diskurs-priznaki-illokutsiya-pragmatika> (data obrashcheniya: 07.05.2018).
10. Kudryavtsev V. L. «Sklonenie, verbovka ili inoe vovlechenie litsa» kak al'ternativnye deystviya ob"ektivnoy storony deystviya terroristicheskoy deyatel'nosti // Advokat. 2012. № 5. С. 21—25.
11. protivodeystvii ekstremistskoy deyatel'nosti : Federal'nyy zakon ot 25.07.2002 № 114-FZ (red. ot 23.11.2015).
12. Suprun A. E. Lektsii po teorii rechevoy deyatel'nosti. — M. : Belorus. fond Sorosa, 1996. 287s. (Programma Obnovlenie gumanitarnogo obrazovaniya v Belarusi).
13. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii s kommentariyami (s izmeneniyami na 7 marta 2011 goda).